

[Проще говоря, если сюжет мира прямо указывает, что некий персонаж честен, чист душой и добр, то, даже совершив злой поступок, он непременно вызовет коррекцию мира, и его деяние в итоге не окажется злом.]

[Да! Хозяин совершенно прав! (p□w□q) Хозяин, до тебя ещё никто не задавал мне такого вопроса! Я и сам никогда об этом не задумывался!]

Разве не очевидно? Зачем вообще спрашивать?

Нет. Это был очень важный вопрос.

С романами всё ещё было относительно просто, однако, по словам Системы, миры могли порождаться и из пьес, повествовательных поэм и других произведений. Во многих из них вообще не описывались мысли персонажей – только события, происходившие с главным героем. Что уж говорить о душевных переменах второстепенных персонажей, если даже внутренний мир дитя судьбы оставался нераскрытым.

Так было и в прежнем мире Гу Цзыцзю. После каждого перезапуска в его истинное тело бросали человека с теми же именем и фамилией. Некоторые из них обладали совершенно одинаковыми характерами, другие же различались даже самой своей сутью – были добрыми или злыми. Но независимо от натуры, оказавшись на месте Гу Цзыцзю, каждый из них совершал всё, что требовалось для дальнейшего развития мира.

Для постороннего или обычного зрителя это не имело никакого значения. Мир продолжал двигаться вперёд, да и кому придёт в голову без всякой причины копаться во внутреннем мире второстепенного персонажа?

Но для таких, как Гу Цзыцзю, это было чрезвычайно важно. Куда чаще им приходилось иметь дело не с главными героями, а со второстепенными персонажами и неисчислимым множеством пушечного мяса. Если самонадеянно судить о них по паре строк и бездумно подгонять под написанное, можно было даже не понять, как именно ты умер.

И дело было не в том, что Системный помощник намеренно умалчивал об этом и отказывался рассказывать. При всей своей человечности он оставался лишь системой, лишённой

самостоятельного мышления и творческого начала. Иначе зачем вообще поручать хозяевам спасение миров? Одного Системы было бы достаточно.

[Не вини себя. Ты просто глуповат.]

[QAQ]

Стоило Системе расчувствоваться или прийти в восторг, как он тут же получал удар прямо по голове. Системный помощник был обижен. Системный помощник... Системный помощник даже пожаловаться толком не мог.

[Так что, хозяин, теперь, когда ты выяснил столь важную вещь, что намерен делать? Занять место одного из его друзей детства и при первой же возможности подружиться с дитя судьбы?]

[...Ты ведь сам сказал – друзей детства. То есть они росли вместе с малых лет, а теперь ещё и вместе вступили в секту Бурных Волн. Как я, по-твоему, займу чьё-то место?]

В тоне Гу Цзыцзю явственно слышалось: «Зря я ещё так мягко назвал тебя глупым».

[QAQ]

[К тому же проблема явно не в главном герое, а в двух его друзьях.]

[Тогда...]

[Сегодня, когда вернёмся, я смогу снова взять младшего соученика и отправиться путешествовать. Вернёмся через двадцать три года – как раз к открытию тайного царства Персикового Цветения.]

[...]

С пустыми разговорами было покончено, и Гу Цзыцзю решил заняться делом. Открыв глаза, он потянул Дуань Шаобо за рукав:

- Младший соученик, сыграй мне что-нибудь.

Дуань Шаобо открыл глаза:

- Хорошо.

- Не будем мешать старшим соученикам. Пойдём вон туда.

Не успел Дуань Шаобо достать инструмент, как Гу Цзыцзю вновь потянул его за рукав и указал в сторону.

- Младший соученик, тут ты неправ, - вдруг приблизился к ним ученик, до этого медитировавший неподалёку. - Мы тут как раз со скуки изнываем! Только рады будем послушать, как младший соученик Дуань играет на струнах!

Он говорил так громко, что остальные тут же принялись поддакивать:

- В секте Бурных Волн и пейзажи прекрасны, и духовной энергии вдоволь, вот только слишком уж она мягкая! От этой мягкости даже кости заломило - больше и минуты усидеть не могу!

В поднявшейся суматохе Гу Цзыцзю оттеснили назад, а Дуань Шаобо, напротив, вытолкнули вперёд. Даже возглавлявший отряд достопочтенный меч Румян смиренно уселся на свою подушку в нижнем ряду и вместе со всеми принялся хлопать и одобрительно восклицать.

[Системный помощник, одолжи мне своё выражение лица.]

[☺-☺☺А? Х-хорошо.]

[(:з»∠)]

Дуань Шаобо слегка смущался, но робким не был. Он достал из кольца-хранилища свой инструмент, однако это оказался не цинь и не гучжэн, как все ожидали, а кунхоу. Даже среди

совершенствующихся мало кто учился играть на этом пятидесятиструнном инструменте.

Ещё мгновение назад вокруг стоял оглушительный шум, но стоило Дуань Шаобо установить кунхоу, как совершенствующиеся тут же затихли в ожидании первых звуков.

Дуань Шаобо плавно откинул длинные рукава, обнажив кисти и узкие полоски запястий. Пальцы у него были длинными, с чётко очерченными костяшками; даже по открывшимся запястьям можно было понять, что руки его стройны и сильны. Когда он обхватил кунхоу и положил пальцы на струны, в них не было ни капли хрупкости – лишь скрытая мощь.

Дрогнуло запястье, кончики пальцев скользнули по струнам – словно растаял первый снег, и зазвенели капли. То весенний ручей разбивал ледяные сосульки, и его неглубокие, живые воды весело струились меж окатанных камней, неустанно устремляясь вперёд.

Внезапно мелодия стала громче. Должно быть, ручей сорвался с высоты и низвергся в пруд. Спавшие в воде рыбы вздрогнули от неожиданности и стремительно метнулись прочь, разбудив задремавшие стебли лотоса. Сухие, скрученные листья лениво потянулись, расправили изумрудные побеги и вынесли на поверхность нежно-розовый бутон. Налетел ветер. Бескрайнее небо укрыли зелёные листья, розовые лотосы закачались – настал разгар лета.

Грянул гром. Дождь забарабанил по листьям, пруд вышел из берегов! Даже этому тихому уголку была знакома неукротимая ярость. Поднявшейся воде требовался выход. Необозримые потоки теснились в одном месте, пока наконец не пробили себе путь и не вырвались наружу, хлынув в великую реку. Воды ревели, яростные волны вздымались до небес, а оглушительный грохот был подобен гневу Неба!

Но посреди реки качалась одинокая лодчонка. Волны раз за разом обрушивались на неё, а на носу стоял старик. Он взмахнул рукой и забросил сеть, вытащив из мутного потока жирную рыбу, метавшуюся между валами. Лодка пристала к берегу. Пшеница золотилась, деревья гнулись под тяжестью плодов – пришла середина осени.

Старик поймал рыбу, но рыба принадлежала не ему. Отдав улов, он вернулся домой. Не успел закрыть дверь, как порыв ледяного ветра заставил его задрожать. Внезапно повалил густой снег, укрыв всё вокруг ослепительной белизной. Лодчонка вмёрзла в лёд у берега, и старику, прежде боровшемуся с волнами, больше негде было ловить рыбу...

Музыка давно стихла, но никто не произнёс ни слова. Закрыв глаза, мечники вновь и вновь

переживали представшие перед ними картины.

Пусть это была лишь смена четырёх времён года в мире смертных, лишь радости и горести обыкновенной человеческой жизни, но каждый из них сумел почерпнуть из неё прозрение.

И звуки кунхоу не остались лишь на этой горной вершине. Подхваченные ветром, они уже разнеслись повсюду.

– Сюсю, не плачь.

Двое мальчиков пытались утешить маленькую девочку, не перестававшую вытирать слёзы. Тот, у кого лицо было светлее и нежнее, увидел, как горько она плачет, и не удержался от тихого ворчания:

– И кто только решил ни с того ни с сего сыграть такую штуку...

– Тсс! – второй мальчик, повыше и покрепче, с круглой озорной головой, поспешно зажал ему рот ладонью. – Малыш Юй, не болтай глупостей! Это же мелодия бессмертного!

Малыш Юй и сам испугался после такого напоминания, однако всё же набрался смелости возразить:

– Брат Сюэ... Я ведь просил не называть меня малышом Юем...

– Брат Сюэ, брат Чу, со мной всё хорошо. И мелодия этого бессмертного действительно прекрасна. Просто она слишком прекрасна и напомнила мне о дедушке, вот я и не сдержала слёз. На самом деле бессмертного следует поблагодарить.

Слёзы всё ещё текли по лицу девочки, но она тоже принялась их уговаривать.

– Эй?! Сюсю, почему ты тоже назвала меня малышом Юем? Вы же обещали!

– Виноват, виноват, – поспешно признал ошибку брат Сюэ. – Цзэюй, хочешь, тогда зови меня малышом Сюэ?

- Малыш Сюэ тоже неплохо звучит, – надул губы Цзэюй.

Его глаза вдруг хитро блеснули.

- Хе-хе, брат Сюэ, а что, если я буду звать тебя Снежком? Как тебе?

- А? – брат Сюэ растерянно раскрыл рот.

Он сам выкопал себе эту яму, и теперь ему оставалось лишь стиснуть зубы и кивнуть:

- Ладно, зови, если хочешь! Только... пусть это останется между нами троими. Никому больше не говорите.

- Ладно.

- Я тоже буду так тебя звать! Я тоже!

Эти трое и были главной троицей. Сейчас старшему из них ещё не исполнилось девяти, а младшей, Лин Сюсю, было всего пять с половиной лет. Только что мелодия повергла их в глубокую печаль, но теперь они вновь расшалились.

Они находились на вершине, где размещали новопринятых учеников. Все спали в общих комнатах: по десять детей, невзирая на пол. Но пока учеников набралось недостаточно, и в этой большой комнате жили лишь три маленьких карапуза.

Они носились друг за другом, кричали и сами не понимали, чему так радуются. Наконец устав бегать из одного конца комнаты в другой, все трое улеглись рядом. Чу Цзэюй оказался посередине, Сюэ И – справа, Лин Сюсю – слева. Дети соприкасались головами и тесно прижимались друг к другу плечами.

Лин Сюсю спросила:

- Брат Сюэ, брат Чу, как вы думаете, какой у нас будет наставник? Он научит нас играть на

музыкальных инструментах?

- На инструментах пусть девчонки учатся, а я не хочу! Я хочу учиться изгонять демонов и уничтожать нечисть! Брат Сюэ, а чему хочешь научиться ты?

- Я? Хочу научиться защищать вас.

- Хорошо-хорошо! Тогда в будущем брат Сюэ будет защищать меня!

- Хм! Не нужен мне защитник-Снежок! Я буду изгонять демонов и уничтожать нечисть, так что сам вас защищу!

- Хорошо. Тогда будем защищать друг друга? - Сюэ И повернулся на бок и протянул Чу Цзэюю руку.

- Договорились!

Чу Цзэюй с громким хлопком ударил по его ладони, а затем крепко сжал руку Сюэ И.

- Ой! Значит, у меня будет сразу два брата-защитника?

- Мы мужчины, конечно же, мы должны тебя защищать, - гордо вскинув голову, заявил Чу Цзэюй.

- Уа-а-а-а-а!!!

Снаружи внезапно раздались изумлённые возгласы, а сквозь бумагу на окнах в комнату хлынул багряный свет. Трое детей тут же вскочили и выбежали наружу. Увидев представшее перед ними зрелище, они тоже разинули рты и принялись восторженно кричать.

Неизвестно когда с северо-востока приплыло багряное облако, простёршееся на десять тысяч

чжанов. Среди облаков извивался и пульсировал в таинственном ритме алый свет, похожий то ли на дымку, то ли на тончайшую вуаль. Зрелище было одновременно величественным и изящным.

– Вот бы попасть к подножию той горы и посмотреть оттуда, – с мечтательным видом произнёс Чу Цзэюй.

Сюэ И, Лин Сюсю и остальные дети, услышавшие его слова, дружно закивали.

А Гу Цзыцзю как раз находился у подножия той самой горы.

Оказалось, когда Дуань Шаобо закончил играть, Ни Сяоцзинь внезапно издал протяжный крик, взмахнул мечом и одним прыжком взмыл в воздух, исполняя танец меча. Облака со всех сторон потянулись к нему и превратились в пылающие багрянцем небеса. Движения Ни Сяоцзиня были стремительными и сильными, но вместе с тем от природы чарующими, исполненными неповторимого очарования.

При их первой встрече Гу Цзыцзю показалось, что Ни Сяоцзинь подобен драгоценному мечу, на лезвие которого неуместно попала капля румян. Но теперь, впервые увидев его намерение меча, Гу Цзыцзю наконец понял: то, что ему кажется противоречивым, в другом человеке не обязательно является противоречием. Оказывается, в мире и вправду существовало такое острое, словно клинок, очарование...

Гу Цзыцзю тайно передал Дуань Шаобо:

[Младший соученик, какое намерение меча совершенствует дядя-наставник?]

[Дядя-наставник совершенствует намерение меча нитей любви.]

[И такое намерение меча бывает?]